

— **13 марта** в "Советской России" была опубликована на целую полосу статья некоей ленинградской преподавательницы химии из какого-то вуза (Технологического, кажется) Нины Андреевой "Не могу поступиться принципами". Я "Советскую Россию" не читаю и про статью эту узнал лишь почти через месяц из перепечатанной в "Калининградской правде" статьи "Правды" (без подписи) от **5 апреля** "Принципы перестройки: революционность мышления и действий", в которой публикация "Советской России" была охарактеризована как идейная платформа, манифест антиперестроечных сил.

— В "За рубежом" (№23) приведены статьи (или отрывки из статей) из парижских "Монд" и "Революсьон", в которых выступление "Советской России" и ответ "Правды" были прокомментированы следующим образом: "Опубликовав в газете "Советская Россия" целую полосу злобных выпадов против перестройки и гласности, консерваторы обратили ситуацию против себя... не рассчитав силу удара, они перепугали "болото". В их платформе дала о себе знать слишком сильная ностальгия не по брежневским временам, а по победоносному сталинизму, что получило суровое осуждение в статье без подписи, напечатанной в "Правде" ("Монд").

— **9 апреля** "Известия" сообщили, что сразу же после появления письма Андреевой тут и там стали распространять его копии, что некоторые крупные и мелкие газеты перепечатали статью "Советской России" по указанию местного руководства или по собственной инициативе, что на коммунистов оказывалось давление с тем, чтобы они одобряли этот "манифест" на собраниях или передавали его для изучения в кружках сети партполитпросвета. И всё это происходило "как по команде" - писал орган Верховного Совета.

—... "Великорусские экстремисты из "Памяти" устраивали уличные демонстрации против тех, кого они с удовольствием называли бы "еврейскими перестроечниками", если бы не закон о преследовании за расизм. Группа писателей Российской Федерации заявила, что "Родина в опасности", а один из них (Бондарев, по-моему) дошёл до того, что призывал ко второму "Сталинграду" во имя спасения от поднявших голову варваров - антисталинистов и экологов... ("Революсьон").

— И в самом деле, антисталинисты обнаглели. Особенно некий Г. Попов, доктор экономических наук. В прошлом году он выступил в "Науке и жизни" с рецензией на роман Бека "Новое назначение", написанной с точки зрения экономиста. Там он ввёл термин Административная Система, под которым подразумевал "сложный механизм управления, действовавший в стране десятки лет", и показал неизбежность её - Системы - загнивания (собственно, сделал это Бек, а Попов прокомментировал).

— И вот во 2-м номере "Науки и жизни" за этот год - новая рецензия Попова под названием "Система и зубры" с подзаголовком в скобках "Размышления экономиста по поводу повести Д. Гранина "Зубр". Не поленись сделать выписки из неё, она показалась мне наиболее путной из всех прошумевших перестроечных статей.

Урок на тему о прошлом

— Точку зрения, что у АС (сокращение моё здесь и далее) в прошлом только одни заслуги, теперь встретишь нечасто. Типичен иной подход: да, в Системе были дефекты, но это частности; пятна есть и на Солнце; конечно, о всех недостатках надо говорить, но нельзя чернить: заслуги несопоставимы с просчётами. При таком подходе, правда, соотношение числителя и знаменателя в условиях гласности постоянно корректируется. Цифры победных рапортов становятся всё ниже. А счёт потерям становится всё больше. Тем не менее сам этот подход - "пятна есть и на Солнце" - признаётся верным.

— А вот другая крайняя точка зрения: нет никаких заслуг у АС, успехи в основном

связаны с тем, что наша страна богата ресурсами, народ трудолюбив; нам мешала средневековая монархия, революция её сбросила, породила взрыв энергии, а АС оседлала всё, но остановить жизнь, конечно, не могла: без Системы успехов было бы неизмеримо больше.

— У приверженцев этих крайних позиций могут быть разные мотивы. Одним хочется оправдать свою прошлую жизнь. Другим - объяснить свои ничем не заслуженные страдания. Третьи уверены, что думают о будущем: ведь если в прошлом главное - успехи, а ошибки - только частные, только отдельных лиц и только в отдельные годы, то это оправдывает АС не только в прошлом, но и сегодня, поддерживает тех, кто не хочет с ней расставаться.

— Но при этом подходе никак не объяснишь такую реальность, как уже хорошо всем заметный механизм торможения, действовавший в нашей экономике. И не найдёшь способов его преодолеть.

— А как он вообще появился, этот механизм? И почему АС не устранила его? Ведь она решала задачи, казалось бы, несравнимо более сложные - провела индустриализацию, выиграла войну, восстановила экономику, оснастила оборону страны ракетами и атомным оружием. Сторонники любых, даже самых разных оценок признают эти успехи. А если система дефектна, то почему у неё всё это получалось?

— Я решил написать эту своеобразную рецензию потому, что именно образ Зубра (генетика Тимофеева-Ресовского - прим. моё) помогает нам вполне уяснить очень важный аспект сложного комплекса, который образуют успехи прошлого.

— Что представляет собой АС в чистом виде? Пирамида исполнителей. Они послушны и дисциплинированы, в идеале добросовестны, в самом лучшем случае - фанатично преданны. Но по условию не могут генерировать новое, творить. В завершённом виде АС может только реализовать замыслы Верха. И то не все. Только те, где не требуется творчества и инициативы, поиска и самостоятельности. Система в чистом виде может только подражать, повторять, тиражировать. При этом каждый последующий цикл - хуже. Вот почему расцвет АС не мог стать ничем иным, кроме как механизмом торможения.

— Откуда же успехи? Чтобы это понять, надо учесть, что Система развивалась. Её главные успехи связаны как раз с периодом формирования, а не с периодом её расцвета. В частности с тем, что вначале ключевые посты в Системе занимали руководители, преданность которых была воспитана не этой системой, а подпольем и революцией. Но по мере того, как они уходили, в кадровом массиве всё больше выступали черты, присущие именно Системе. И возрастали её трудности.

— В своей повести Гранин показал ещё один фактор, обеспечивший успех.

— Для наших грандиозных масштабов строительства нужны были руководители и специалисты, и не просто преданные идее строительства. Они должны действовать творчески, самостоятельно, инициативно. Пусть не в целом, пусть только на своих участках, пусть только в пределах своей профессии и своих обязанностей. Всё это принесли в Систему Зубры. Они тянули груз индустриализации, войны, восстановления. Без Зубров ошибок у АС было бы неизбежно больше, они были бы гораздо более существенными, их последствия - более трагическими. Чего стоили стране чистка армии от Зубров перед войной или чистка от них генетики? А были бы атомные бомбы или космические ракеты, не привлекли Система Зубров?

— Именно стойкость Зубров, защищавших правоту своих профессиональных решений, отбивавших идущие порой сверху нелепости, страховала и укрепляла АС (подчёркнуто мной). Зубры создавали, предлагали, убеждали, пробивали. Они отвергали, вытесняли, предотвращали. Успехи прошлого отражают меру успехов Зубров. Там, где Зубрам удавалось больше, как, например, в космосе, там успехи значительны. Там, где им удавалось меньше, как в сельском хозяйстве, там и соответствующие итоги. Без участия Зубров АС ничего бы не построила и никого бы не победила, осталась бы в нашей

истории чем-то вроде бироновщины. Фактор Зубров чужд по духу Системе. Она их вынуждена была привлекать, она их терпела, присваивая себе их достижения. И славу...
—...Не льстецы и не фанатики, не винтики и святоши, не шкурники и приспособленцы создали успехи прошлого. Герои прошлого - те, кто творчески, инициативно, беззаветно работал на своих местах.

—В чём же тогда вклад самой АС? Что творилось на другой стороне компромисса? Как соотносились Система и энтузиазм масс? Почему Система пошла на соглашение с Зубрами? И как вообще революционный механизм становился Системой?

—В дореволюционные годы, в силу всего исторического стечения обстоятельств, когда и партия, и её опора - рабочий класс - составляли явное меньшинство в стране, в силу характера руководителей партии, сформировавшихся ещё при царизме, в условиях чудовищного гнёта и репрессий; в силу того, что само вступление в партию требовало тогда от человека полного разрыва со всеми нормами, правилами, законами, ставило его вне общества; в силу самой обстановки подпольной борьбы, когда даже член ЦК мог оказаться провокатором и никому нельзя было доверять; в силу невозможности в течение десятилетий применять в партийной работе элементарные формы демократии и гласности; в силу неизбежного исключительного централизма, требовавшего полного подчинения вышестоящим руководителям; в силу характера отбора руководителей; в силу потери всеми другими партиями всякого кредита у народа; в силу того, что основное население страны составляли десятки миллионов расплывённых крестьян - словом, в силу тысяч и тысяч объективных и субъективных обстоятельств, вплоть до великой многовековой бюрократической традиции Российской империи, вплоть до традиций восточного деспотизма у многих её народов, - для того времени и для тех условий почти неизбежным становился жёсткий централизм, как механизм руководства.

—Но такое руководство больше всего подходит для армии, для войны. Оно малопригодно для роли организатора творческого процесса. И уже в первые послереволюционные годы возникла противоречивая ситуация, когда руководству наиболее близка и понятна АС, но она малопригодна для строительства экономической базы, без которой нельзя удержаться у власти.

—В дальнейшем развитии событий можно выделить несколько процессов. Во-первых, процесс превращения вышедшего из подполья революции и гражданской войны механизма партийного и государственного руководства в АС. Формируясь, она перемалывала создавших её руководителей, превращала революционеров в администраторов, а тех, кто не превращался - не хотел или не мог, - удаляла. И, движимые уже Системой, эти администраторы, часто не сознавая, действовали в её духе, сами подготавливали в конце концов своё устранение из Системы. Кадры, организовавшие процесс над промпартией, становились жертвами Ежова, а сам Ежов - жертвой Берии. И знаменитый прокурор Крыленко, заявлявший на суде над промпартией, что признание обвиняемого более чем достаточное доказательство его вины, вскоре сам стал жертвой своего признания.

—Каждый новый цикл формирования Системы становился очередным просеиванием кадров, устраняя ту часть вчерашних победителей, которая сама этот этап подготовила, но которая уже не вписывалась во всё ужесточающиеся критерии Системы, становившейся всё более адекватной себе. И немало среди реабилитированных и действительно юридически невинных тех, кто в предшествовавшие своему аресту годы сам немало сделал, чтобы приблизить свой личный финал. Странно выглядят попытки оправдать этих людей тем, что потом они сами оказались жертвами - поджигателя леса неуместно оправдывать тем, что он сгорел сам.

—Система уже всё больше и больше действовала сама. И даже наиболее соответствовавший ей Сталин тоже должен был непрерывно изменяться - теряя жену и семью, теряя последние черты живого человека и превращаясь в Хозяина.

—Системе, помимо руководителей-исполнителей, нужны были работники-исполнители.

Работников было достаточно, и они были охвачены энтузиазмом, долго отождествляя Систему со сделанной их руками революцией. Сам по себе энтузиазм был чужд Системе и становился всё более чуждым по мере её развития, всё больше мешал внедрению беспрекословной исполнительской дисциплины. Его с самого начала надо было вводить в рамки, держать в руках, направлять в нужное русло, используя, в частности, массовые репрессии и обстановку постоянной угрозы репрессией.

— 21 июня 1988 г., кирха

— И, наконец, Системе нужны были руководители и специалисты. Особенно специалисты - люди, способные дать охваченным энтузиазмом работникам грамотные указания, способные вырабатывать профессиональные решения, способные действовать творчески и инициативно. Ни то, ни другое немислимо без самостоятельности. А самостоятельность с Системой несовместима. И здесь оставалось идти на компромисс, допустить существование в чём-то непослушных Системе работников. Эта готовность Системы к компромиссу встретила готовность пойти на него и у основной части российской интеллигенции, особенно технической, мечтавшей о процветающей стране и видевшей реальность намерения Системы провести индустриализацию. Такую же готовность Система нашла и у руководителей, которые вынесли из революции позицию активности и самостоятельности, мечтали о новом обществе и ради участия в его строительстве были готовы от многого отказаться. Итогом этого компромисса и стали Зубры.

— Так сложилась необычная ситуация, когда АС получила чуждое ей по сути задание организовать экономический рывок, привлекая для этого чуждые ей силы - охваченных энтузиазмом трудящихся и Зубров. Именно они и построили в итоге нашу "дорогу железную".

— Никаких сомнений нет и быть не может - нам есть чем гордиться! Но нельзя, чтобы этой гордостью завладели те, кто хочет успеха прошлого записать только на счёт АС, смешав в кучу и тех, кто строил, и тех, кто арестовывал. Тех, кто творил, и тех, кто доносил. Тех, кто боролся, и тех, кто давил. Тех, кто работал для дела, и тех, кто работал для начальства, для галочки, для пайка. Категорически не принимаю навязываемого нам сторонниками АС умозаключения: если гордиться прошлым и его успехами, то надо оправдать всю систему целиком.

— Есть другая логика - видеть в успехах прошлого прежде всего "работу народную" и воздать должное всем в соответствии с реальной мерой участия в этой работе.

Урок на тему о будущем

— Составным звеном соглашения Зубров с АС был отказ Зубров от политики.

— Именно это давало им возможность сохранить на своём участке самостоятельность, возможность творить, строить, изобретать, воевать, рисковать. ... Зубр отказывается от политики ради возможности заниматься генетикой. При этом ничего особенного АС от генетиков не требовала. Она требовала от них того же, что и от машиностроителей, гидроэнергетиков, конструкторов военной техники - немедленных рекомендаций. ... Обе стороны соглашения требовали своего: Система - немедленного вклада в ускорение экономики, а Зубры - права вести исследования. Конфликт был налицо.

— Он приобрёл особую остроту, так как касался сферы, в которой Система ждала от генетики чудес - сельского хозяйства. Уже тогда было ясно, что запущенный в село насос не может качать ресурсы бесконечно. Оставалось надеяться на науку, на её способность обеспечивать небывалые урожаи, небывалые удои, небывалые привесы.

— Но практическое значение работ Вавилова, по словам Зубра, состояло в том, что они отвечали на вопрос, "что мы будем жрать в XXI веке". А АС этот аспект не мог

интересовать, так как и наука, и природа, и сами жизни людей были брошены на одну задачу - рывок в кратчайшие сроки.

—Выяснив, что генетики не могут реально помочь её претензиям, АС сочла условия соглашения невыполненными. Обе стороны считали себя правыми. А как писал К. Маркс в "Капитале", когда право сталкивается с правом, решение принадлежит силе. Сила была у Системы.

—Тут даже не было специального злого умысла. Просто АС выявила свою суть и с упоением стала брать реванш за вынужденное соглашение. И Вавилов погиб как жертва несбывшихся надежд АС на чудо-лекарство от бед тогдашнего сельскохозяйственного производства. Как будто в истории когда-либо бывали научно-технические лекарства от социально-экономических болезней.

—На пьедестал был возведён Лысенко. С портрета смотрело на нас "аскетическое, изглоданное лицо с кривой чёлкой, из-под которой пылал сверлящий взгляд..." Гранин прекрасно показал: фанатизм убивает истину - главную суть науки, её цель и её смысл. Истовые крики Лысенко породили не учёных, а верующих. А верующие интересуются только свидетельствами в пользу истинности своей веры. Они всегда готовы ради веры видеть одно, не замечать другое, исказить третье. Плевать на реальности, на факты, лишь бы осталась верной идея, в которую верим. Вера позволяет жить, даже переносить тяжёлые лишения. Но она не даёт инструментов реального преобразования мира.

—В лысенковщине наиболее точно выразились подлинные отношения Системы к науке. Миражи были объявлены явью. Мистификации принимались за реальности, если только с ними был согласен Верх. Философия, понимавшая в тот момент свой мировоззренческий характер как право учить учёных их собственной науке, объясняла, судила, принимала, отвергала все и вся.

—Администраторов увлекала ситуация, когда они сами "решают вопросы" и не позволяют умничать и своевольничать этим профессорам.

—Факты, добытые великими трудами поколений учёных, объявляются несуществующими. Нет генов, вот и всё. Под защитой Системы лжепрофессоры ставили лжеопыты. Писались лжеучебники, защищались лжедиссертации. Журналы, кафедры, издательства, лаборатории, посты в министерствах захватили Бесы, разглагольствуя о науке, они решали свои задачи, удовлетворяя своё честолюбие и корысть.

—За уход от политики Зубру пришлось заплатить тем, ради чего он шёл на соглашение - своей наукой (подчёркнуто мной). Но отказ Зубров от участия в политике обернулся трагедией не только для них, но и для самой АС.

—Компромиссы, на которые шла Система в соглашении с революционными кадрами, с трудящимися, с Зубрами - не могли быть ни длительными, ни неизменными.

Укреплявшаяся Система всё менее нуждалась в них и в 1937 году сделала первую попытку взять всё в свои руки. Попытку, по её понятиям, удачную. Но война и задачи восстановления, необходимость создания атомно-ракетного щита вновь потребовали от Системы уступок, соглашение продолжалось.

—Реально Система могла стать сама собой только после смерти Сталина, завершив логически своё формирование. Она избавилась от Хозяина, культ которого противоречил логике Системы, требовавшей, чтобы во главе пирамиды тоже был винтик. Иной формы, но именно винтик. Хозяин мешал своим произволом. Так совпало, что в те годы исчезал и важный фактор, толкавший АС на соглашение с Зубрами: ощущение слабости и опасение за своё будущее. И Система избавилась от этого соглашения. Одновременно она превратила энтузиазм трудящихся в формальные почину и прочую показуху. Избавила себя от чуждой задачи организовывать экономические рывки и заменила естественной для себя рутинной медленного постепенного развития, воспроизводящего прежде всего пропорции и стандарты прошлого.

—Процесс усиления неприязни Системы к Зубрам дополнялся процессом сокращения её возможностей дать Зубрам поле творчества. Учёный, конструктор, директор,

профессор, режиссёр - один за другим у них исчезали последние просветы самостоятельности. Система теснит Зубров со всех сторон. Чем меньше в ней Завенягиных и Уральцев, тем труднее Зубрам субъективно. Чем логичнее - по своей логике - действует Система в хозяйстве, тем ниже его темпы, меньше ресурсы, тем труднее Зубрам объективно.

— Не встречая, по сути, никакого противодействия, АС постепенно вытравляла из себя все инородные тела. Всё больше становится в Системе руководителей, которых она сама выдвигала и растила. Эти руководители нового типа знали одно - выполнять указания. У них был главный принцип: не выделяться из среднего уровня. А сам Средний Уровень становился всё ниже. Готовые к любой директиве, эти руководители сами не терпели никаких возражений. Чем более стандартными и серыми становились выдвиженцы АС, тем нетерпимее становилось их отношение к любым отклонениям от стандартов и серости.

— Изменились и трудящиеся. Устав от обещаний, от лозунгов, страдая от очевидных безобразий и от безразличия к своим нуждам, уходили поколения, уступая место новым, уже не знавшим ни воздуха революционного творчества, ни чувства хозяина земли, ни даже самостоятельности идущего в атаку бойца.

— Новые руководители Системы считали, что их повседневная рутинная механическая деятельность - это и есть предел возможного. У них уже нет аскетической позиции руководителей прошлого. До каких пор ждать? Разве мы не исполняем всё, что требует Система, и разве мы не заслужили благополучия? Чтобы обеспечить его, формальных каналов уже недостаточно, аппетит растёт во время еды. Идёт поиск новых источников, и, естественно, в их число прежде всего попадает торговля. Используя весь свой джентльменский набор - от дефицита до недоуеса, - она заставляет покупателя переплачивать на каждом шагу, капли переплат орошают продавцов, сливаются в ручейки у директоров магазинов и торгов, превращаются в полноводные реки для многих чиновников Системы и её руководителей.

— Торговля становится примером для тех, кто распределяет жильё, путёвки, возможности лечения и обучения. Но и этого уже мало. В самых разных сферах процветает просто присвоение государственного. Для тех, кому мешают остатки совести, и, конечно, для тех, кто не может и не хочет "делать дела" и ищет компенсации за беспросветность жизни, есть универсальное утешение - выпивка. Система не препятствует, предоставляет возможность.

— Всё это, разумеется, означало только одно - разложение АС, её кризис. Он становится, очевидно, реальностью не в тридцатых и сороковых, а именно в спокойные семидесятые годы.

— Справедливо указать на следующее. Среди руководителей Системы были люди, понимавшие её несовместимость с сутью социализма, её преходящий характер. Опираясь на базисные черты социализма, некоторые из них пытались что-то изменить. Реально началом перемен стал XX съезд партии, одоббивший доклад Н.С. Хрущёва о культе личности. Но вопрос об АС был в то время подменён следствием - вопросом о Хозяине (подчёркнуто мной). "Наказав" его, Систем вывела себя из под удара. Попытка радикальной реформы в 1965 году была парализована тем, что в центре внимания оказалась не сама Система, а опять-таки её следствие - низкая эффективность экономики. И ещё, конечно, тем, что в руководстве страны сторонники преобразований не составили большинства.

— И механизм торможения, и начало разложения, сам кризис АС оказались логическим итогом того отказа от политики, который был основой жизни и деятельности Зубров. Именно они могли и, более того, были обязаны вовремя понять, что Система отжила, что она становится фактором торможения, что построенному социализму нужен совершенно иной механизм управления. Но Зубры продолжали соблюдать условия соглашения: политики не касаемся, Система вне критики, нельзя оспаривать её право руководить. И

даже к зарвавшемуся, проворовавшемуся местному руководителю семидесятых годов Зубры относились по меркам и правилам, выработанным ещё в довоенные годы. Зубры, и это самое страшное, оставались на своих позициях, даже когда явно видели, что Система превратилась в механизм торможения, что она разлагается, что нависла угроза над самой судьбой страны.

—Пока АС выполняла взятые на себя обязательства по развитию страны, позиция Зубров в целом была по крайней мере объяснимой. Но чем они, считая себя людьми порядочными, могли оправдаться сейчас?

—... Зубр оставил нам не только урок более правильного понимания прошлой эпохи. Он оставил нам урок на будущее - урок недопустимости ухода от политики, недопустимости пассивного ожидания чего-то.

—Впрочем, не нам его судить. Кто из нас и в какой мере действовал верно? Не случайно же не снизу, а сверху пришло к нам понимание неотвратимости перестройки, радикальных изменений в стране, причём не просто в экономике, а в самой жизни общества и человека.

—Вернутся ли Зубры? - ставит вопрос писатель. При всё уважении к ним я бы ответил - не должны. Мы хотим на деле реализовать лозунг партии "Больше социализма". И теперь хорошо знаем, что попытки творить на своём участке при отказе от участия в политике, в судьбах страны, в судьбах твоего народа неизбежно ведут к потере именно той возможности нормально жить и работать, ради которой тебе предлагалось смириться с ролью политического винтика. Не говоря уже о главном: принять эту роль - значит оставить страну в руках агонизирующей АС, лишит человеческой жизни в истинном, высоком смысле слова наших детей и внуков, вступающих в XXI век ..."

—22 июня 1988 г., кирха

—Итак, резюмируем основную мысль:

—- АС рухнула бы, если бы Зубры (творческая интеллигенция в СССР, учёные, прежде всего) не продали душу дьяволу, не пошли бы на соглашение с Системой во имя так называемого патриотизма - во славу России, или во имя науки.

—Мысль несомненно верная, на мой взгляд, хотя винить Зубров в служении Системе с закрытыми на творящиеся вокруг безобразия глазами, в отказе от политики трудно, ибо что значило заниматься политикой после победы красных в гражданской войне? Приходилось просто выживать.

—Но вот уже в наше хрущёвско-брежневское время Сахаров осмелился оказать сопротивление и ничего, остался жив. А если бы его поддержали коллеги? Ведь из Академии его не удалось изгнать, хоть тут не обосрались академики, лишь меньшинство из них присоединилось к публичным осуждениям Сахарова. Но и только, к сожалению.

—И второе, что мне понравилось в статье Попова, а может, даже это и первое, - то, что он ставит во главу угла именно Систему, а не Сталина, почти не уделяя Хозяину внимания.

—Хотя, увы, и ему - Попову всё ещё хочется "больше социализма".

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)